

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 376.74(571.1)(=112.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-79-87

Из истории немецкой национальной школы в Западной Сибири (конец XIX — середина XX в.)

Евгения Александровна Скоп

Независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация, skop.e.82@mail.ru

Аннотация. В статье представлен исторический опыт становления немецкой национальной школы на территории Западной Сибири в конце XIX — середине XX в. Рассматриваются судьбы некоторых видных педагогов, оказавших значительное влияние на формирование профессиональных кадров таких школ в послевоенный период и разработавших учебные пособия на немецком языке.

Ключевые слова: немецкая национальная школа, И. А. Варкентин, В. Г. Клейн, А. А. Фот, Славгородский педагогический техникум

Для цитирования: Скоп Е. А. Из истории немецкой национальной школы в Западной Сибири (конец XIX — середина XX в.) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 79—87. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-79-87.

Features of national education in the USSR

Original article

From the history of the German national School in Western Siberia (late XIX — mid XX centuries)

Evgenia A. Skop

Independent Researcher, Novosibirsk, Russian Federation, skop.e.82@mail.ru

Abstract. The article presents the historical experience of the formation of the German national school in Western Siberia in the late XIX — mid XX centuries. The article examines the fate of some prominent teachers who had a significant impact on the formation of professional staff of such schools in the post-war period and developed textbooks in German.

Keywords: German National School, I.A. Varkentin, V.G. Klein, A.A. Fet, Slavgorod Pedagogical College

For citation: Skop E.A. From the history of the German national School in Western Siberia (late XIX — mid XX centuries). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):79—87. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-79-87.

В настоящее время не теряет своей актуальности вывод известного исследователя истории российских немцев доктора исторических наук Л. П. Белковец о том, что возрождение национального образования — одна из многочисленных современных проблем российских немцев, уходящая своими корнями в прошлое [1, с. 155].

События начала XX в. не самым благоприятным образом сказались на немецкой национальной школе, вследствие чего образование на национальном языке то разрешалось властями на определенный период времени, то вновь запрещалось. Вырастало поколение немецких детей, обучившихся родному языку дома, по имеющимся церковным книгам или художественной литературе.

Немецкое население в Сибири в XVIII—XIX вв. было немногочисленным и проживало в основном в городах, формируя свои национальные общины, открывались лютеранские и католические приходы. В большинстве своем семьи колонистов были религиозными, и возникла потребность в организации воспитательного процесса для подрастающего поколения в духе традиционных конфессиональных традиций.

Как указывает доктор исторических наук И. В. Черказянова, в течение XVIII—XIX вв. немецкие начальные и средние учебные заведения были открыты при лютеранских и католических церквях во многих городах: Барнауле, Екатеринбурге, Омске, Таганроге, Томске [2, с. 27]. Появление немецких школ в регионах Сибири была связано с наличием приходов и ролью пасторов, которые способствовали созданию таких школ для своих прихожан [3, с. 384].

Если в городах по-прежнему ведущую роль в создании школы играл пастор, то в сельской местности Сибири, где традиция народной немецкой школы была особенно сильна, инициатива организации школ принадлежала самому населению. Пасторы находились в городах и были значительно отдалены от поселков. Территории их приходов не ограничивались рамками города и оставались значительными, поэтому на разъезды для отправления треб уходило очень много времени. Так, во вновь организованном в Омском уезде сельском приходе Св. Иоаннеса несколько лет оставалась вакантной должность проповедника, пастор же из Омска не в состоянии был чаще одного раза в год бывать в поселках — приезжал лишь для конфирмации [3, с. 388].

В немецких поселениях, как правило, даты основания поселка и школы совпадают. Об этом свидетельствуют официальные документы и воспоминания колонистов. Например, часто при опросах жители сибирских колоний не помнили точной даты основания поселка или школы, но всегда соотносили появление школы с образованием своего поселения, так как на новом месте уже в первую-вторую зимы начиналось обучение детей [2, с. 27].

Сельское немецкое население стало формироваться в связи с массовым переселением крестьян за Урал. Это обстоятельство способствовало и росту численности немцев в городах Сибири. Вслед за этим изменилась ситуация в деле организации немецких школ — появились постоянно действующие школы в городах и поселках. К 1911 г. число немцев в Барнауле возросло до 480 человек. Немецкое население Омска в 1911 г. составляло 2 707 человек (2 % от общего числа жителей города), в то же время в Омском уезде немцев было 17 997 человек (7,5 %). В городах Томской губернии к началу 1912 г. проживало 2 142 протестанта и лютеранина, в селах — 19 872. Немецкое население дореволюционного Новониколаевска стало формироваться лишь в начале XX в. и оставалось немногочисленным вплоть до революции: максимальное число немцев проживало в 1909 г. (660 человек), наименьшее — в 1915 г. (121). В Новониколаевске к 1912 г. все еще не было своей церкви, существовало лишь лютеранское общество [3, с. 387].

Этапы переселения колонистов отразились на динамике роста численности школ и географии их размещения: первые из них возникли в 1890-х гг. — густая сеть школ появилась в Омском и Барнаульском уездах. В 1886 г. в Томске была официально зарегистрирована старейшая городская немецкая школа, организованная пастором А. Келлером при церкви Св. Марии.

В начале 1900-х гг. начинают действовать школы при церквях в Омске и Иркутске. Старейшие меннонитские школы находились в Омском, Барнаульском уездах. За короткий срок немцы смогли не только прочно обосноваться на новых землях, но и организовать на достаточно высоком уровне школьное образование. По итогам школьной переписи 1911 г. в пределах Западно-Сибирского учебного округа немцы составляли 0,18 % численности всего населения, а удельный вес немецких детей среди всех этнических групп учащихся был 0,45 %. По количеству учащихся на 100 жителей немцы Сибири занимали первое место среди других народов края. Эти данные свидетельствуют о важной роли школы в жизни немцев, об их внимательном отношении к образованию детей [4, с. 9].

С конца XIX в. усиливается контроль Министерства народного просвещения за деятельностью всех колониистских лютеранских и католических школ, их существование становится возможным лишь с разрешения попечителя учебного округа. Поэтому занятия пасторов с детьми при церквях оформляются в школы, подведомственные учебному начальству. Создаваемые сельские школы сразу попадали под контроль учебного ведомства, многие из них вскоре после учреждения были преобразованы в министерские училища с преподаванием на русском языке. Несмотря на тяжелые условия переселения и обустройства на новом месте, вопреки русификаторской политике государства, традиции немецкой народной школы были сохранены [3, с. 390].

В годы Первой мировой войны немецкая школа пережила серьезный удар из-за гонений на немцев. Были приняты законы о запрещении употребления немецкого языка в общественных местах, школах. Первыми испытали на себе запрет училища при лютеранских и реформатских церквях Петрограда, затем Москвы. 24 декабря 1914 г. запрет на немецкий язык был распространен на школы колониистов по всей империи. 18 августа 1916 г. император утвердил закон о воспрещении преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержащихся лютеранскими приходами школ.

Начиная с 1916/17 учебного года немецкий язык преподавания сохранялся лишь на уроках Закона Божьего и собственно немецкого языка. В годы войны немецкие школы прошли тотальный учет и тщательное обследование. Незнание или плохое знание учителями русского языка было основанием для их увольнения. В школах увеличилось число русских учителей, которых направляли взамен уволенных немецких преподавателей [2, с. 30].

К 1917 г. в Западно-Сибирском учебном округе существовало 54 зарегистрированных немецких школы, из них 4 — лютеранские, 1 — католическая, 35 — меннонитских и 14 — министерских [4, с. 10].

Летом 1917 г. Временное правительство сняло ограничения на использование родного языка в преподавании, правда закон касался лишь частных учебных заведений. Равенство языков в школьной практике было провозглашено советской властью. Отправным моментом в развитии национальной школы при советской власти является 1918 г., когда было принято постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств».

Новый подъем в развитии немецких школ наметился в 1920-х гг. Преподавание велось на родном языке. Для учителей выходили специальные издания, такие как *Zur neuen Schule*, *Wolgadeutsches Schulblatt*, «Просвещение национальностей» и др. Основную нагрузку по изданию немецких учебников для нужд всей страны несло Немецкое государственное издательство — Немгосиздат в Покровске (Энгельс) [2, с. 30].

После 1925 г. национальные меньшинства в районах компактного проживания смогли иметь не только свои национальные школы, но и свои органы местного самоуправления, вести делопроизводство на родном языке в национальных сельских советах и исполнительных комитетах районных

советов. В соответствии с этим решением в Сибирском крае, где проживало свыше 75 тыс. немецких колонистов, было организовано несколько десятков национальных немецких сельских советов (в Омском, Славгородском, Барабинском округах) и Немецкий национальный район (с 17 сельсоветами) на территории Славгородского округа [1, с. 156].

В немецких селах Сибири, как правило, действовала небольшая сельская школа с одним учителем (реже с двумя), рассчитанная в лучшем случае на 50 учащихся. Школа объединялась с церковью не только из-за размещения в одном помещении, но и в сознании колонистов, рассматривавших школу и церковь как нечто единое и неразделимое [1, с. 158].

Имея довольно скромное содержание (400—500 руб. в год), которое могла обеспечить община, учителя обычно вели свое хозяйство, а, кроме того, сами обслуживали школьные здания, топили печи, убирали помещения. Дети обучались в такой школе от двух до четырех лет, и главную свою задачу учитель видел в том, чтобы научить детей читать и писать по-немецки, считать, прочесть катехизис. Русский язык также входил в число обязательных предметов, изучавшихся в немецкой школе.

Отдаленность сибирских колоний от материнских и сложность учительского труда способствовали возникновению острого дефицита учительских кадров. Большинству сельских общин приходилось привлекать к школьному делу грамотных односельчан, имевших склонность к занятиям с детьми, зимой, в свободное от сельскохозяйственных работ время, они учили грамоте. Однако в целом ряде средних и крупных сел в немецких школах Сибири учителями трудились выпускники так называемых центральных школ в материнских колониях, сдавшие специальные экзамены и получившие право на преподавание и службу кистерами [1, с. 156].

Провозгласив право народов на обучение детей на родном языке, государство долгое время не предпринимало никаких действий для его обеспечения. Так, немецкие школы в Сибири все 1920-е гг. работали по старым дореволюционным учебникам, по их переизданиям и по тем букварям и книгам, которые в виде гуманитарной помощи при посредничестве германского консула в СССР графа Брокдорфа-Рантцау и германского консула в Новосибирске Вильгельма Гросскопфа поступали в немецкие села [1, с. 164].

Несмотря на серьезные проблемы в сфере национального образования, в Сибири начала формироваться сеть немецких школ, культурно-просветительских учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), национальная пресса, рос культурный уровень населения [5, с. 55].

С середины 1920-х гг. набирала обороты антирелигиозная борьба, коснувшаяся в том числе и немецкой школы. Многие семьи колонистов были верующие, а начавшиеся гонения на церковь, дальнейшая ее замена на партийную идеологию привели к неблагоприятным последствиям. Сократилось количество педагогических кадров, родители не хотели отдавать детей в «обычную» школу, увеличилось число малограмотных детей, традиционные школы закрывались.

Уничтожение учительства, начавшись в конце 1920-х гг., продолжалось и в 1930-х, завершилось полным запретом преподавания на родном языке в национальных немецких школах в 1938 г. [1, с. 168].

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации национальных школ». В нем отмечалось, что национальные школы превратились в «очаги буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей», они наносят «огромный вред» делу правильного обучения и воспитания. Размах репрессий достиг своего апогея в 1937—1938 гг. Неоднократным чисткам подвергался Немецкий пединститут в АССР немцев Поволжья. В 1937—1938 гг. НКВД сфабриковало дело о «контрреволюционной» группировке из числа немецких учителей Омского района. В годы войны немецкое население практически было лишено возможности

получать образование, что было обусловлено депортацией и спецпоселением [2, с. 31].

В указанный период времени, как отмечает один из новосибирских исследователей Л. И. Обердирфер, плохо обстояло дело со школьным обучением немецких детей. У тех из них, чьи родители были в трудармии, возможности посещать школу практически не было. Но и среди тех, кто жил со взрослыми родственниками, в школу ходили единицы. Причины заключались в нежелании некоторых родителей обучать своих детей в русских школах, в незнании русского языка, но в основном — в тяжелых материально-бытовых условиях, отсутствии одежды и обуви. Свою роль сыграло и то, что работники районных отделов Наробраза (Управление народного образования) основное внимание уделяли эвакуированным и детям фронтовиков. Некоторые немцы вынуждены были бросать школу, так как «учителя не стали их спрашивать». Информация о плохом школьном обучении немецких детей была доведена до сведения Наркомпроса. Но практических указаний не поступало. Руководство страны было глухо к проблемам немецкого населения. В результате на 1949 г. доля лиц немецкой национальности со средним и высшим образованием в Новосибирской области составляла 5,2 %, остальные имели низшее (начальное) образование или были неграмотны [6].

В Кировском районе Новосибирска, где размещались депортированные немцы, находилось два «немецких поселка». Один — в районе поселка Западный, другой — в районе Затона. Уже к 1944 г. в школе № 69 в Затоне стали формироваться смешанные классы. Так, согласно имеющимся в Музее боевой и трудовой славы Затона документам, в списке из 39 детей 1 «В» класса преобладали немецкие фамилии.

По воспоминаниям очевидцев (из интервью автора с бывшими трудармейцами), образование в новосибирских школах в данный период велось на русском языке, учителя тщательно следили за тем, чтобы на переменках дети не общались на немецком языке, поскольку это был язык врага. Многие родители дома старались разговаривать на немецком между собой шепотом и под страхом наказания запрещали детям рассказывать об этом в школе.

В 1950-х гг. были предприняты попытки возрождения немецких школ в каждой республике, разместившей на своей территории депортированных. В России в соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР преподавание немецкого языка как родного вводилось с 1 сентября 1957 г. В том же году в ряде районов Алтайя: Славгородском, Хабарском, Табунском, Благовещенском, Кулундинском, Рубцовском, Локтевском, Бурлинском — началась организация обучения языку [2, с. 33].

После приказа министра просвещения РСФСР о создании классов с преподаванием родного языка в 1957 г. на территории Алтайского края, получив новый импульс, начали свое развитие немецкие национальные школы. Предполагалось возродить национальную школу в прежнем виде, с преподаванием всех предметов на родном языке. Для этих целей издавались специальные учебники, учебные пособия.

Однако ожидаемого эффекта не наступило. Ни родители, ни ученики не были готовы к такому резкому переходу к преподаванию на забывшемся уже родном языке. Другой причиной, по которой родители и дети без особого энтузиазма восприняли возвращение к родному языку, была неуверенность в том, что с политикой преследования людей в стране по национальному признаку покончено навсегда. В результате массовых отказов от обучения в национальной школе был найден компромиссный, или запасной, вариант, предполагавший изучение немецкого языка как родного со второго класса при сохранении преподавания всех остальных предметов на русском языке. Обучение родному языку в этих школах предусматривало изучение таких дисциплин, как немецкий язык и немецкая литература. При недо-

статке кадров, нехватке учебно-методических пособий и учебников в крае к 1959 г. функционировало 60 школ, в которых 2 500 учащихся изучали немецкий как родной язык. Некоторые из этих школ были средними, но большинство — неполными средними и начальными. С середины 1960-х гг. в официальных документах и литературе появился термин «немецкие школы», а обучение стало именоваться *Deutsch als Muttersprache*, т. е. «немецкий как родной». К началу 1960-х гг. в крае насчитывалось 72 такие школы. Предпринимались попытки совершенствования подготовки учителей. Так, с 1958 г. при Славгородском педучилище вновь было открыто отделение учителей немецкого языка для национальных школ [5, с. 56—57].

Одними из авторов, которые совместно работали над составлением учебной литературы для немецких школ, были известные преподаватели И. А. Варкентин и В. Г. Клейн. В соавторстве ими были созданы такие учебные пособия, как хрестоматия с произведениями на немецком языке для учеников 8—9 классов *Deutsche Literatur* [7]; «Литературное чтение = Deutsches Lesebuch: 7—8 кл.» [8], «Литературное чтение = Deutsches Lesebuch: 5—6 кл.» [9] и многие другие учебники и произведения [10].

Иван Абрамович Варкентин (1920—2012) — знаковый российско-немецкий писатель, литературный критик, публицист, переводчик, редактор. Родился в пос. Спат Симферопольского уезда Таврической губернии. После окончания средней школы в 1937 г. поступил на отделение иностранных языков филологического факультета Ленинградского госуниверситета. В июне 1941 г. добровольцем поступил на службу в военноморской флот. До мая 1942 г. находился в осажденном Ленинграде, был военным переводчиком. В 1942 г. был мобилизован в трудовую армию и направлен в Восточную Сибирь. После демобилизации окончил Ленинградский университет. Работал преподавателем средних и высших учебных заведений в Горно-Алтайске и Барнауле, литературным сотрудником первой послевоенной газеты на немецком языке «Арбайт». С 1961 по 1968 г. преподавал в институтах Алма-Аты и Уфы. С 1969 по 1980 г. был литературным редактором газеты «Нойес Лебен» (Москва). Член Союза писателей СССР с 1963 г. Первые публикации были в немецкоязычных газетах СССР [11, с. 114].

Виктор Георгиевич Клейн (1909—1975) родился в селе Зельман (ныне Ровное) на Волге, детство его прошло в большом селе Варенбург (ныне Привольное). Окончив в Зельмане семилетнюю школу, поступил в 1926 г. в Маркштадтский техникум, затем три года преподавал немецкий язык и литературу в школе колхозной молодежи. С 1933 по 1937 г. — студент Энгельсского пединститута (факультет германистики). С 1937 по 1941 г. — старший преподаватель и заведующий кафедрой истории зарубежной литературы в этом же институте. С 1942 по 1949 гг. находился в трудармии, затем преподавал математику и другие предметы в Канском горно-геологическом техникуме (Красноярский край). С 1959 г. — доцент истории немецкой литературы в Новосибирском педагогическом институте. Член Союза писателей СССР с 1963 г. [12, с. 74]. В день семидесятилетия со дня его рождения Новосибирская писательская организация, комиссия по литературному наследию В. Г. Клейна и факультет иностранных языков НГПИ писали: «В В. Г. Клейне органически сочетались педагог, ученый, писатель, фольклорист. До войны он часто печатался в газетах и журналах г. Энгельса, в послевоенные годы — в еженедельниках „Новая жизнь“, „Дружба“ (Казахстан), „Красное знамя“ (Славгород), а также в различных сборниках, альманахах. <...> Литературное и педагогическое наследие В. Г. Клейна велико: три романа, более двадцати рассказов, повестей, несколько поэм и более ста стихотворений. <...> Внимания заслуживает и работа В. Г. Клейна как теоретика советской немецкой литературы и культуры, собирателя и исследователя фольклора. Его книги, статьи и доклады на

Всесоюзных семинарах советских немецких литераторов не потеряли актуальности и сегодня» [13, с. 149]. В. Г. Клейн вспоминал:

Мои детство и юность прошли в большом и красивом селе Варенбурге (ныне Привольное), в 80 км ниже Саратова. Самые ранние мои воспоминания — о моих односельчанах, о крестьянских работах, близких мне и сегодня. Ребенком я бегал в поля, пас коров и овец, ездил с друзьями в ночное, где без удержу проказничали, где у костра рассказывались жуткие истории — сплав поэзии и правды. Незабываемое время! Учитель немецкого языка Адольф Иванович Лейхтлинг, отличный знаток языка и литературы и замечательный педагог, познакомил меня с немецкой классической и современной пролетарской литературой, направил и оценил мои первые литературные опыты. Я буквально вопил от восторга, когда читал «Разбойников» и баллады Шиллера. В стенной газете, редактором которой я постоянно был, и в рукописном литературном журнале «Югендгеданке» («Молодежная мысль») мы, ученики, публиковали свои маленькие произведения. После того как я закончил педагогический техникум в Маркштадте (ныне Маркс), мои прозаические произведения появились в машинописном студенческом журнале «Шульфрейнд» («Друг школы») и в республиканских газетах. После окончания государственного немецкого педагогического института в Энгельсе (факультет германистики) я посвятил много лет почти исключительно научной работе, преимущественно литературоведению и фольклору. В 1939 г. я принимал участие как научный консультант в экспедиции по сбору немецкого фольклора в поволжских селах. Много времени и энергии я отдал составлению учебников по литературному чтению для средней школы [12, с. 76—77].

В Сибири, в том числе в Новосибирске, в 1960-х гг. были открыты Высшие преподавательские курсы для подготовки учителей для школ с преподаванием немецкого языка как родного. На этих курсах также преподавали И. А. Варкентин и В. Г. Клейн. Одним из слушателей этих курсов был замечательный и всеми уважаемый человек, педагог Андрей Абрамович Фот. Он родился в 1921 г. в с. Розенхоф Немецкого национального района Алтайского края. Более 40 лет своей жизни он посвятил школе. Несмотря на тяжелое положение в стране, он окончил семилетку в с. Орлово, в 1937 г. стал студентом немецкого педтехникума Славгорода. В 1939 г. началась советско-финская война. А. А. Фот вынужден был досрочно прекратить учебу и начать свою преподавательскую деятельность в качестве учителя начальных классов, а затем продолжить в качестве учителя немецкого языка¹.

А. А. Фот был непосредственным свидетелем «чистки» рядов преподавательского состава педтехникума, под которую попали его учителя Эй, Гросс, Бальцер, Браун, а также исключения из учебного заведения детей «врагов народа» [14, с. 99]. Вот что об этом пишет Л. П. Белковец в своей книге «Большой террор и судьбы немецкой деревни в Сибири»:

...Но самым главным стал процесс по делу о руководстве Немецкого района, подготовленный органами НКВД и проведенный в закрытом судебном заседании спецколлекцией Западно-Сибирского краевого суда 18—29 апреля и 3—4 мая 1935 г. в Новосибирске. На нем было рассмотрено дело по обвинению 33 человек, ответственных работников районных партийных, советских, хозяйственных организаций, представителей национальной интеллигенции. Все они составляли контрреволюционную организацию, якобы созданную в апреле 1933 г. по заданию из Москвы, которое выполнил приезжавший в район работник «Дейтче Централ-Цайтунг» («Немецкой Центральной газеты») Д. Д. Гердер... [15].

А. А. Фот мужественно прошел дорогами многих советских немцев: мобилизацию в трудовую армию, работы в нечеловеческих условиях на строительстве железной дороги Ульяновск — Казань, шахты Воркуты и режим спецпоселения с обязательными ежемесячными явками в комендатуру. Несмотря на все испытания, Андрей Абрамович вернулся в профессию, написал много

¹ Материалы из личного архива, предоставленные Н. А. Лебедевой (Фот).

воспоминаний, воспитал не одно поколение учеников, которые проживают сегодня в разных странах, а также свою дочь Нину Андреевну Лебедеву (Фот), которая бережно хранит память о своем папе, публикует его воспоминания и совместно с Музеем истории ГУЛАГа вносит значительный вклад в сохранение исторической памяти о немцах-трудармейцах.

Судьба немецкой национальной школы, как и судьба всего немецкого народа в России, в разное время определялась политикой государства: от дарования привилегий Екатериной Великой до репрессий в XX в.

В настоящее время усилиями национально-культурных автономий восстанавливаются национальные школы в местах компактного проживания российских немцев. В некоторых регионах Сибири для детей российских немцев открываются досуговые клубные формирования, где в неурочное время немецкий язык изучается наряду с немецкой историей, культурой и традициями.

Список источников

1. Белковец Л. П. Немецкая национальная школа в Сибири в 1920—1930 годы // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX—XX вв.). Новосибирск, 1997. С. 155—178.
2. Черказьянова И. В. Немецкая школа в Российской империи и СССР // BiZ-Vote : информ.-метод. журнал. 2012. № 3—4. С. 26—33.
3. Черказьянова И. В. Состояние школьного дела в лютеранских приходах Сибири в XVIII — начале XX в. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 17—20 сентября 1998 г.). М. : Готика, 1999. С. 379—391.
4. Черказьянова И. В. Немецкая школа Сибири и Северного Казахстана конца XIX — начала XX вв. // Культура немцев Казахстана: история и современность : материалы международной научно-практической конференции (Алматы, 9—11 ноября 1998 г.). Алматы : Возрождение, 1999. С. 7—16.
5. Матис В. И., Кряклина Т. Ф. Немецкая школа в регионах России : моногр. Барнаул : Изд-во Барнауль. гос. пед. ун-та, 1999. 215 с.
6. Обердирфер Л. И. Депортированные немцы в Западной Сибири (1941—1944 гг.): действительность и правовой статус // Сибирь в XVII—XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999—2000 гг. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 187—200.
7. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Deutsche Literatur : учебная хрестоматия для 8—9 классов школ с преподаванием немецкого (родного) языка. М. : Просвещение, 1984. 400 с.
8. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Литературное чтение = Deutsches Lesebuch : 7—8 кл. : для школ с преподаванием немецкого (родного) языка. М. : Просвещение, 1969. 352 с.
9. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Литературное чтение = Deutsches Lesebuch : 5—6 кл. : для школ с преподаванием немецкого (родного) языка. 5-е изд., испр. М. : Просвещение, 1972. 295 с.
10. Клейн В. Г., Варкентин И. А. Литературное чтение = Deutsches Lesebuch : 5—6 кл. : для нем. шк. 2-е изд., просмотр. М. : Просвещение, 1966. 296 с.
11. Твои немцы, Алтай! : очерки, интервью, статьи : сб. / ред.-сост. П. Э. Фиц. Вып. 5. Барнаул, 2020. 396 с.
12. Писатели о себе : Новосибирск, Омск, Томск / сост. Ю. М. Мостков. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 262 с.
13. Это великое слово Победа! Ч. 2 : Ветераны труда / сост. А. С. Юмашев, В. А. Лозовик ; редкол.: П. В. Лепин [и др.] ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск : НГПУ, 2005. 495 с.
14. Шишов А. Горечь бессмысленных потерь: из истории Славгородского педагогического колледжа // Минувшие дни : историко-краеведческий журнал. 2006. № 4. С. 98—99.
15. Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х—1930-е гг.) / Междунар. союз нем. культуры. М. : IVDK : Варяг, 1995. 317 с.

References

1. Belkovec L.P. Nemeckaja nacional'naja shkola v Sibiri v 1920—1930 gody [German National School in Siberia in the 1920s—1930s], *Kul'turnyj, obrazovatel'nyj i duhovnyj potencial Sibiri (seredina XIX—XX vv.)* [Cultural, Educational and Spiritual Potential of Siberia (mid-19th—20th centuries)]. Novosibirsk, 1997, S. 155—178.

2. Cherkaz'janova I.V. Nemeckaja shkola v Rossijskoj imperii i SSSR [The German school in the Russian Empire and the USSR], *BiZ-Bote: informac.-metod. Zhurnal* [BiZ-Bote: a journal of information and methodology], 2012, no. 3–4, pp. 26–33.
3. Cherkaz'janova I.V. Sostojanie shkol'nogo dela v l'juteranskih prihodah Sibiri v XVIII – nachale XX v. [The state of school affairs in the Lutheran parishes of Siberia in the 18th – early 20th centuries], *Nemcy Rossii v kontekste otechestvennoj istorii: obshhie problemy i regional'nye osobennosti* [Germans of Russia in the context of national history: general problems and regional peculiarities] : materialy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 17–20 sentjabrja 1998 g.). Moscow, Gotika, 1999, pp. 379–391.
4. Cherkaz'janova I.V. Nemeckaja shkola Sibiri i Severnogo Kazahstana konca XIX – nachala XX vv. [German School of Siberia and Northern Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries], *Kul'tura nemcev Kazahstana: istorija i sovremennost'* [Culture of the Germans of Kazakhstan: history and modernity]: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Almaty, 9–11 nojabrja 1998 g.). Almaty, Vozrozhdenie, 1999, pp. 7–16.
5. Matis V.I., Krjaklina T.F. Nemeckaja shkola v regionah Rossii [German school in the regions of Russia]: monogr. Barnaul, Izd-vo Barnaul. gos. ped. un-ta, 1999, 215 p.
6. Oberderfer L.I., Shishkina V. I. (ed.). Deportirovannye nemcy v Zapadnoj Sibiri (1941–1944 gg.): dejstvitel'nost' i pravovoj status [Deported Germans in Western Siberia (1941–1944): reality and legal status], *Sibir' v XVII–XX vekah: problemy politicheskoi i social'noj istorii: Bahrushinskie chtenija 1999–2000 gg.* [Siberia in the XVII–XX centuries: problems of political and social history: Bakhrušin Readings 1999–2000]: mezhvuz. sb. nauch. tr. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2002, pp. 187–200.
7. Klejn V.G., Varkentin I.A. Deutsche Literatur [Deutsche Literatur]: uchebnaja hrestomatija dlja 8–9 klassov shkol s prepodavanijem nemeckogo (rodnogo) jazyka. Moscow, Prosveshhenie, 1984, 400 p.
8. Klejn V.G., Varkentin I.A. Literaturnoe chtenie = Deutsches Lesebuch: 7–8 kl. [Literary reading = Deutsches Lesebuch: 7–8 grades]: dlja shkol s prepodavanijem nemeckogo (rodnogo) jazyka. Moscow, Prosveshhenie, 1969, 352 p.
9. Klejn V.G., Varkentin I.A. Literaturnoe chtenie = Deutsches Lesebuch: 5–6 kl. [Literary Reading = Deutsches Lesebuch: 5–6 grades]: dlja shkol s prepodavanijem nemeckogo (rodnogo) jazyka. 5-e izd., ispr. Moscow, Prosveshhenie, 1972, 295 p.
10. Klejn V.G., Varkentin I.A. Literaturnoe chtenie = Deutsches Lesebuch: 5–6 kl. [Literary Reading = Deutsches Lesebuch: 5–6 grades]: dlja nem. shk. 2-e izd., prosmotr. Moscow, Prosveshhenie, 1966, 296 p.
11. Fic P. Je. (ed.). Tvoi nemcy, Altaj! : ocherki, interv'ju, stat'i [Your Germans, Altai! : essays, interviews, articles]: sb. Issue 5. Barnaul, 2020, 396 p.
12. Mostkov Ju. M. (ed.). Pisateli o sebe : Novosibirsk, Omsk, Tomsk [Writers about themselves : Novosibirsk, Omsk, Tomsk]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1973, 262 p.
13. Jumashev A.S., Lozovik V.A., Lepin P.V. (eds.). Jeto velikoe slovo Pobeda! [This great word is Victory!]. Ch. 2 : Veterany truda [Part 2: Veterans of Labor]. Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t. (NGPU), 2005, 495 p.
14. Shishov A. Gorech' bessmyslennyh poter': iz istorii Slavgorodskogo pedagogicheskogo kolledzha [Bitterness of senseless losses: from the history of Slavgorod Pedagogical College], *Minuvshie dni : istoriko-kraevedcheskij zhurnal* [Bygone days : local history magazine], 2006, no. 4, pp. 98–99.
15. Belkovec L.P. «Bol'shoj terror» i sud'by nemeckoj derevni v Sibiri (konec 1920-h–1930-e gg.) [“The Great Terror” and the Fate of the German Village in Siberia (late 1920s–1930s)]. Moscow, IVDK, Varjag, 1995, 317 p.

Информация об авторе

Скоп Евгения Александровна — независимый исследователь, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Information about the author

Evgenia A. Skop — independent researcher, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: skop.e.82@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.06.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 07.09.2023.

The article was submitted 22.06.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 07.09.2023.